

1

От бывшего участника Гражданской войны
Машурова Василия Васильевича
пр-го г. Кяхта, ул. Читинская д. № 13

Участником гражданской войны за власть Советов окончательно я стал с начала 1918 года, вступив в партизанский местный Коммунистический красногвардейский отряд в с. Насадка, Насадской волости бывш. Пермский уезд и Пермская губ. / в 60 верстах от г. Пермь /.

В первое время несли в отряде службу по связи с рабочими отрядами на заводах Мотовилиха, Лысьва, Тагил. Приходилось вылавливать в лесах вооруженные белобандитские группы, пробиравшихся к Колчаку из центральных советских районов.

К концу 1918 года, когда фронт Красной армии подвинулся к г. Кунгурд, мы с рабочим отрядом выступили на фронт. Но армия тогда под натиском врага отступала и нашему отряду вместе с армией пришлось через свое же село Насадку отступить к г. Пермь. Тут под Пермью около с. Кольцово я был ранен, потерял убитым коня и попал в руки белогвардейцев. Был заключен в Пермской губернии тюрьме до июля 1919 года. В плен попал в последних числах декабря 1918 года. В июле 1919 года нас всех заключенных эвакуировали из г. Перми в г. Иркутск, где содержали при Иркутской тюрьме.

В августе 1919 года бывшие среди нас несколько человек черноморских и балтийских матросов задумали побег из тюрьмы - "Все равно нас расстреляют - говорили они, так что риск один, удастся сбежать - счастливы, не удастся так и так - смерть". Предложили и мне бежать с ними. Благодаря этих товарищей я остался жив, так как побег удался для всех нас удачно.

В Иркутске мне помогли укрыться рабочие ж.д. депо Полютов

Иван Фролович и Подымахин Василий.

О восстании в декабре 1919 года в Иркутске я был заранее информирован и принимал участие в восстании с рабочими Знаменского Предместья, за Ушановкой, где был в бою против белогвардейцев. После окончания боев отряд наш назвали 6 ротой 6-го Иркутского полка. С этой ротой, примерно через месяц после взятия Иркутска участвовал против капелевцев под с. Усть-Куда. Сразу же после этого меня направили в 1-ю Иркутскую артиллерийскую бригаду, где пробыл не долго и был направлен с 1-ой батареей к Верхнеудинску и под Читту. Под Читтой участвовал в апрельских боях в 1920 году. После нашу батарею переформировали в 1 отд. Конную батарею направили в г. Троицкосавск придав ее и сформированный 1 отд. кав. бригада. До Унгерновских событий пришлось нам в Троицкосавске ликвидировать мятеж пограничного батальона, подпавшего под влияние белогвардейцев, находившихся рядом в Китайском городе Маймачина. Вскоре после этого произошли знаменательные события и в Монголии.

Как-то в 1921 году комиссар нашей батареи т. Галперов передал мне приказ командования бригадой немедленно явиться в штаб бригады. Там был вручен мне приказ нести два дня консперативный пост/охранный/ по Успенской улице /ныне ул. Сталина/ у дома бывш. Рудзит/ныне Гостиница Горкомхоза/. Тут я встретил монгола по имени Сухэ. Случилось что тут была моя жена в то время еще по девичьей фамилией Саввичева. Сухэ сердечно поздоровался с ней, а она мне рассказала, что монгол этот Сухэ не так давно скрывался в Троицкосавске от китайских и монгольских властей того времени. Находился в Монголии в тюрьме в очень тяжелых условиях, где обращался

с ним варварски, безчеловечно. Он бежал из Монголии. Два дня скрывался у них - Саввичевских, а потом скрылся где-то в других местах. Находясь у Саввичевских Сухэ довольно хорошо говорил и писал по русски. Был он в крайне напряженном состоянии, тогда не спал. Рассказывал как содержался под арестом в Монголии голодал там, т.к. пищу давали один раз в день и то бросали разные кости, почти не имевшие мяса, без всякой делешке. между арестованными. Поднималась борьба арестованных за эти кости и было так кому они доставались, а кому и нет. Вместо чая давали только воду и то в ограниченном количестве.

Перед уходом от Саввичевских Сухэ пришел к нему ночью другой монгол увел его коня, а вскоре вернулся опять и они ушли уже оба. В безность у Саввичевских Сухэ из дому не выходил никуда. Семья Саввичевских состояла из трех человек. Мать моей жены Саввичева Фекла, ее второй муж Кожевников Александр и моя жена, в то время Саввичева Кожевников превосходно владел монгольским языком, но был неграмотным политикой никакой не интересовался, занимаясь охотой и рыболовством очень часто ездил на рыбалку в Монголию, где и познакомился с Сухэ. Поэтому знакомству и был он у них в то время когда скрывался в Троицкосавске. Сразу же после описанной выше мною случая встречи с Сухэ у дома быв. Рудзит, в Монголии произошли военные события - революционное движение монгол, где руководил монголами Сухэ-Батор. Был нанесен удар на Китайский город Маймачен. Наша часть была на границе Маймачине. Тут мне из бригады пришлось перейти на работу в Троицкосавский подьотдел Госполитохраны.

В Монголии в это время готовился к нападению на Троицкосавск барон Унгерн, а местная реакционная часть населения

да и некоторые элементы в армии начали работу в пользу Унгерна, но своевременно принятые меры и действия обеспечили то положение, что отряды Унгерна разбились о нашу границу. Большую помощь, по свидетельству командования, оказали нам в окончательном разгроме Унгерна в Монголии отряды монгол под командованием Сухэ-Батора. На следующий год мне пришлось встретиться Сухэ-Батора в г. Урге в созданном тогда в Монголии Цырт-Ямыка военного министерства, где Сухэ-Батор был уже главным руководителем и организатором Монгольской Народной Армии. Мне известно о Сухэ-Баторе, как показало мне то, что я видел и слышал от него. Был он человек большой энергии, уже больной, тяжелый изнуряющего болезнью, он не отставал от момента и требованья дня, а в то время, когда ему, Сухэ-Батору, пришлось организовывать армию свою национальную, в тех условиях когда у народа, крайне отсталого и в культуре и экономике, армии не существовало. Препград было много, очень много. Отсутствовало понятие о дисциплине, мешала идеологическая религиозность того времени, крайне культурная отсталось народа, ламство.

В то время был еще живой Богдо Гэгэн-ворловный лама, обожествляемый монголами. Сухэ-Батор основное свое внимание обращал на Советскую Россию внимательно изучал все то, что происходило в России и учился у России. "Ленин" - часто слышно было от него - "Учиться будем у Ленина".

Влияние Сухэ-Батора на монгол было велико. Говорил он с ними спокойно и очень убедительно. В организуемой в то время Монгольской Армии дисциплина, как таковой, можно сказать не было. Нехватало, к примеру, бойцу домашних продуктов, а к казенным он еще не привык и боец недокладывался никому, запрос-то седлал коня и ехал домой иногда километров за 200-250 с

тем, чтобы увидеть своих и пить чай дома, ну, а срок такой самовольный отлучки вообще был неопределен. Мне пришлось быть в двух случаях, когда Сухэ-Батор проводил сам беседы в двух подразделениях 1-ой кав. бригады, где особенно хромала дисциплина. Говорил он спокойно. Содержанием его слов, конечно из-за плохого значения монгольского языка, восстановить я не могу, но характер беседы видел из того, что Сухэ-Батор спокойно разговаривал с бойцами заставлял своими словами и смеяться над некоторыми случаями, а в основном внимательно слушать его. Результат этих бесед - в подразделенных этих почти прекратились самовольные отлучки. Обладал Сухэ-Батор исключительной зрительностью и общей памятью. Видел он меня в Троицкосавске всего один раз и несколько минут да и в таких условиях, где не должен было остаться в памяти. Но когда же он встретил меня в г. Урге/ныне Улан-Батор/он над-поманул, что встречал меня в Троицкосавске, указал время и описал даже в точности какой клинок был со мной, какая шинель шапка, в каком платке и пальто была со мной тогда моя жена.

Машуров.

Фотопечатка с оригинала,
хранящегося в Кяхтинском
музее.

Миронов

март 1958г.